

того понятия, которое объединяется термином «наддиалектные формы» языка, — полезно отнестись к ним и с дифференцирующей точки зрения. Этого, как кажется, настоятельно требует именно функциональное направление исследований: «экстралингвистические стимулы наддиалектности бывают для литературного языка в основном или прагматического, или эстетического плана» (с. 124). Такие стимулы не могут не найти прямого отражения в составе языковых средств, квалифицирующихся как наддиалектные, что очень хорошо показано во многих разделах книги. Различия в их корпусе и в принципах их отбора вызывают некоторые сомнения относительно их одинаковой терминологической квалификации. Последняя дает примеры неоднозначного применения и колебания в понимании самого ключевого термина «наддиалектность». Ср.: «Наддиалектность гомеровского языка была бы поэтической полидиалектностью, которая по-новому дифференцировала разнодиалектные формы...» (здесь и далее разрядка наша. — В. Т.) (с. 35); «устно-поэтическая речь остается наддиалектной, сохраняет свои строевые черты, возвышаясь по своим инвариантным качествам над территориальными признаками» (с. 43); «важно подчеркнуть, что эпические зачины не только носят наддиалектный характер, но также отличаются структурными признаками, общими для всех западнокавказских языков» (с. 54); «эти произведения всегда возвышались над повседневной речью и, как правило, все они носили наддиалектный характер» (с. 57); «наддиалектный и интердиалектный характер обнаруживается в стирании и нивелировании наиболее заметных диалектных признаков...» (с. 79); «наддиалектность «...проявляется как в чисто функциональных, социально обусловленных признаках, так и в языковых особенностях, выступающих в совокупности как критерии их отнесения к наддиалектным и интердиалектным формам...» (с. 79); «...основным критерием для выделения наддиалектных форм может служить, по всей видимости, именно функциональная характеристика, хотя функциональные различия, как правило, сопровождаются возникновением структурных противопоставлений на всех (или некоторых) языковых уровнях» (с. 199).

Подобные формулировки характерны для большинства разделов рецензируемой книги⁵. Они свидетельствуют о недостаточной четкости в соотношении термина «наддиалектность» и смежных с ним терминов «полидиалектность», «интердиалектность» («междиалектность», «разнодиалектность»), «внедиалектность». В то же время в этой нечеткости есть и своя последовательность: выдвижение на первый план или феномена общности относительно совокупности диалектов, или изменения функций общения по сравнению с диалектным. Поэтому невольно складывается впечатление, что термин «наддиалектность», более удовлетворительным образом отвечая содержанию второго понятия, может трактоваться не как обобщающий, а как параллельный по отношению к указанным выше терминам. Возможно, что этот терминологический вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении, что, безусловно, явится мощным стимулом еще более углубленной разработки в высшей степени актуальной и увлекательной проблематики функциональной парадигмы систем языка, начатой данной коллективной монографией.

Винокур Т. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.
2. Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1978.
3. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
4. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

⁵ Заметим, что эта «политерминологичность» не всегда спасает положение. Вот высказывание автора одного из наиболее интересных разделов монографии — М. П. Славянской: «Термин „наддиалектность“, правда, не совсем точно передает диалектную ситуацию в гомеровском языке. Античность всегда отчетливо осознавала наличие в эпическом языке полидиалектности. ... Наддиалектность гомеровского языка была как бы поэтической полидиалектностью» (с. 35).

Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Под ред. Акуленко В. В. — Харьков: Вища школа, 1980. 208 с.

В современном мире языковедам приходится решать все более сложные задачи, вызванные к жизни научно-технической революцией, сокращением расстояний, огромными социальными преобразо-

ваниями. Как никогда ранее, активными стали контакты языков. Особенно остро стоит проблема языкового барьера. Отсюда понятен все возрастающий интерес языковедов к общим чертам в языках,

которые так или иначе облегчают межъязыковую коммуникацию, процессы перевода и изучения иностранных языков.

Рецензируемая книга является попыткой всестороннего рассмотрения вопросов, связанных с существованием в лексическом составе языка вообще и в специальной лексике (терминологии) в частности так называемых интернациональных элементов. Эта коллективная монография создана авторами, представляющими ряд стран Европы и имеющими во многом различные научные интересы. Здесь представлены слависты и русисты, романисты, германисты и востоковеды, специалисты в области терминологии, двуязычия, переводоведения, преподавания языков. Но всех авторов объединяет живой интерес к актуальнейшей проблеме социальной лингвистики — проблеме преодоления языкового барьера путем оптимизации преподавания языков, перевода, международной стандартизации научно-технической терминологии. Значение этого направления исследований и краткая история вопроса освещены И. К. Белодедом в предисловии к книге.

Первая часть монографии посвящена уточнению понятия интернациональных элементов в лексике, словообразовании, фразеологии языков, определению адекватных методов их синхронического, этимологического и диахронического изучения. Интернационализмы понимаются авторами книги как объективно существующая межъязыковая синхроническая категория, возникающая в любых группировках соприкасающихся языков. В то же время это относительное явление, что проявляется во всех параметрах сопоставляемых языков и в характеристиках языков, в которых представлены интернационализмы. Это обстоятельство подчеркивает В. В. Акуленко в первой главе книги, где убедительно показана диалектическая связь интернационального и национального: первое существует только во втором, в различных национальных реализациях. Здесь же приводится разработанная автором типология интернационализмов и указываются лингвотипологические и конкретно-исторические ограничения, стоящие на пути их распространения.

Интересен обзор новейших модификаций сопоставительного метода в применении к интернациональной лексике и фразеологии. Особенности этимологического анализа этой категории описаны А. Грауром (Румыния) во второй главе, где обосновывается предложенный этим ученым метод множественной этимологии и убедительно демонстрируется его применимость к анализу интернациональных элементов лексики.

В последующих главах первой части рассматривается роль интернациональной лексики и терминологии в ситуациях двуязычий, при преподавании иностранных языков и в процессах перевода. Ю. А. Жлуктенко показывает на материале украинско-английского двуязычия в условиях США и Канады, что несмотря на те или иные отличия, интернациональные элементы массово отожде-

ствляются в соприкасаемых языках, как правило, облегчая общение, хотя возникающие при этом интерференции ведут к частичным изменениям соответствующих лексико-семантических систем, увеличивая их изосемию. Произведенный А. Д. Швейцлером анализ процессов интернационализации лексики в терминах теории перевода позволяет установить семантические преобразования, которым при этом подвергаются лексические единицы: перераспределение семантических компонентов, добавления и опущения, генерализацию и конкретизацию, метонимические замены.

В главе, написанной Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым и использующей опыт преподавания русского языка как иностранного, анализируется фоновый национально-культурный компонент семантики, который может быть присущ как национально-специфическим, так и интернациональным терминам, чем еще раз доказываются диалектическое единство интернационального и национального.

Некоторые положения этой главы, прежде всего касающиеся противопоставления термина и общеупотребительного слова, с нашей точки зрения, являются дискуссионными. Так, утверждение о том, что «у термина нет своего лексического значения, оно ему более или менее произвольно приписывается» (с. 71), едва ли можно считать совершенно бесспорным. Если ставить вопрос о том, мотивирован (словообразовательно и семантически) термин или нет, то в подавляющем большинстве случаев на него следует ответить утвердительно: все номинации понятий, осуществленные морфологическим способом (префиксация, суффиксация, слово- и основосложение) и тем более — синтаксическим, — относятся к мотивированным, что свидетельствует не о произвольности знака понятия, а о его закономерности. А если еще учесть, что терминологии присуща достаточно определенная специализация терминообразующих средств при выражении конкретных значений, то едва ли правомочно утверждение о «произвольном приписывании» термину его значения. Другое дело, что того значения, которое выявляется из знака, недостаточно для раскрытия содержания понятия, но оно заключено в дефиниции, которая считается необходимым атрибутом термина.

Противопоставление семантических структур слова и термина на основе «дифференциации атрибута лексический или научный» (с. 72) также не представляется безупречным в силу того, что недостаточно обосновываются критерии классификации этих атрибутов. Если за термином стоит научное понятие (что не вызывает сомнений), то за общеупотребительным словом должно стоять «обыденное» (если можно так выразиться) понятие. Такое соотношение будет соответствовать разным уровням (а не «видам — общественному и групповому») сознания. Нельзя также не отметить досадной оплошности, допущенной авторами этой главы в ошибочном «приписывании» высказываний одного автора другому. Име-

ется в виду текст на с. 75, где говорится о том, что «Т. Л. Канделаки, подробно разбирая роль лексики терминологического происхождения в художественных произведениях, показывает, как она участвует в становлении общезыковой фразеологии». И далее дается ссылка на исследование «Русский язык и советское общество» (1968, с. 169). Все сказанное справедливо, кроме одного — автором этого утверждения и указанной коллективной монографии является не Т. Л. Канделаки, а Л. А. Капанадзе. То же относится и к рассуждениям на с. 76.

Вторая часть книги посвящена интернациональным словообразовательным элементам в лексике общего языка и в терминологии. Здесь устанавливаются методы их изучения, сходные с методами изучения интернациональной лексики или определяемые спецификой словообразовательной сферы языка. Эти вопросы рассматриваются на венгеро-русском материале М. Фогаша, на чешско-русском материале Й. Ивразко и, наконец, на материале немецкого и русского языков И. Хернс. Авторы этих глав показывают специфику статуса в языке интернациональных морфем иноязычного происхождения, сложность определения степени выделенности некоторых из них, закономерности их сочетаемости с другими морфемами. Сопоставительный анализ свидетельствует о том, что их характеристики неполностью совпадают во всех языках, так что и здесь интернациональное взаимодействует с национально-специфическим. Это относится даже к научно-техническим подъязыкам, хотя в этих последних они особенно легко отождествляются благодаря существованию в этой сфере регулярно соотносительных словообразовательных моделей.

Главы третьей части посвящены особенностям интернациональной терминологии как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Большой интерес вызывает глава известного терминоведа, основателя Венской терминологической школы Э. Вюстера. В ней детально описаны принципы международной стандартизации научно-технических терминов, дается история работ по интернационализации терминологии в международных стандартизационных организациях.

В главе, написанной В. В. Акуленко, подчеркивается роль международного контекста при решении вопросов языкового планирования в наше время, важность ориентации прежде всего на мировые языки. Здесь обосновывается понятие подсистем в языке, важное для определения статуса интернациональных терминов и терминологических элементов.

В работе З. Стоберского об интернационализации терминологических систем в польском языке явно недостает информации по вопросу истории формирования польской терминологии в ракурсе соотношения интернационального, интеславянского и национального. Име-

ет в виду как лингвистическую терминологию, по словам автора, менее всего унифицированную, так и обществоведческую, развивающуюся в русле общественно-политической терминологии языков славянского ареала.

Глубокому представлению диахроническое исследование становления интернациональных элементов в современном армянском языке Э. Г. Туманян. Тонко подмечена и достаточно точно аргументирована реализация интернациональных элементов габара (древнеармянского языка) в восточном и западном вариантах армянского языка, раскрыты пути интернационализации терминологических систем армянского языка (восточного варианта) Советской Армении.

Интересные наблюдения сделаны В. П. Берковым над интернационализмами в сфере терминологии исландского языка — наиболее пуристического среди языков европейского ареала. Автор исследования показывает, что сближение терминов исландского языка с терминами других европейских языков может проводиться путем унификации их внутренней формы на основе обязательной международной стандартизации понятий и согласования дефиниций. Учитывая лингвотипологические и традиционно-исторические причины отсутствия в исландском языке интернациональных греко-латинских элементов, на которых базируется общий терминологический фонд европейских языков, В. П. Берков главное внимание уделяет внешнеязыковой мотивированности исландских новосозданных терминов — соответствий интернациональных терминов, т. е. вопросу «скрытой» и «полускрытой» интернационализации.

Завершает рецензируемую книгу сопоставительный анализ лексики и терминологии китайского, корейского, японского и вьетнамского языков. Автор исследования Л. Б. Никольский высказывает достоверное предположение о возможности путем сознательных усилий нарушить традицию создания терминологических неологизмов в языках дальневосточного ареала исключительно из элементов иероглифической лексики.

В целом коллективная монография, выполненная крупными европейскими лингвистами, представляет собой вполне завершенное в пределах поставленных задач, логичное по композиции научное исследование.

Следует отметить большую работу редактора монографии В. В. Акуленко, сумевшего объединить в одной концепции — интернационализация словарей языков является одним из естественных и важнейших путей их самобытного развития — работы разных авторов и тем самым подвести итоги изучения интернационализмов в европейском языкознании, наметить перспективу их дальнейшего исследования в аспекте разработанной им методики.

Даниленко В. П., Панько Т. И.